

опять языкомъ научныхъ людей) учение. Ни въ одной критикѣ этого не было.

Русскіе свѣтскіе критики, понявъ мою книгу такъ, что все ея содержаніе сводится къ непротивленію злу и понявъ самое учение о непротивленіи злу (вѣроятно для удобства возраженія) такъ, что оно будто бы запрещаетъ всякую борьбу со зломъ, русскіе свѣтскіе критики съ раздраженіемъ напали на это учение и весьма успѣшно, впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ доказывали, что учение Христа не правильно, такъ какъ оно запрещаетъ противиться злу. Ихъ опроверженія этого и нимаго ученія Христа были тѣмъ болѣе успѣшны, что они впередъ знали, что ихъ разсужденія не могутъ быть ни опровергаемы, ни исправляемы, такъ какъ цензура, не пропустивъ книги, не пропускала и статей въ защиту ея.

Замѣчательно при этомъ то, что у насъ, гдѣ нельзя сказать слова о священномъ писаніи, безъ запрета цензуры, нѣсколько лѣтъ во всѣхъ журналахъ извращалась, критиковалась, осуждалась, осмѣивалась прямо и точно выраженная заповѣдь Христа. М. V. 39.

Русскіе свѣтскіе критики, очевидно не зная всего того, что было сдѣлано по разработкѣ вопроса о непротивленіи злу и даже иногда какъ будто предполагая, что это я лично выдумалъ правило непротивленія злу насиліемъ, нападали на самую мысль, опровергая, извращая ее и съ большимъ жаромъ выставляя аргументы, давными давно уже со всѣхъ сторонъ разобранные и опровергнутые, доказывали, что человѣкъ непременно долженъ (насиліемъ) защищать всѣхъ обиженныхъ и угнетенныхъ и что поэтому учение о непротивленіи злу насиліемъ есть учение безнравственное.

Всѣмъ русскимъ критикамъ все значеніе проповѣди Христа представлялось только въ томъ, что она какъ будто имъ на зло мѣшаетъ извѣстной дѣятельности, направленной противъ того, что ими въ данную минуту считается зломъ, такъ что выходило, что на принципъ непротивленія злу насиліемъ нападали два противоположные лагеря: консерваторы, потому что этотъ принципъ препятствовалъ ихъ дѣятельности противленія злу, производимому революціонерами, ихъ преслѣдованіямъ и казнямъ; революціонеры же потому, что этотъ принципъ препятствовалъ противленію злу, производимому консерваторами и ихъ испроверженію. Консерваторы возмущались тѣмъ, что учение о непротивленіи злу насиліемъ препятствуетъ энергическому подавленію революціонныхъ элементовъ, могущихъ погубить благосостояніе народа; революціонеры возмущались тѣмъ, что учение о непротивленіи злу насиліемъ препятствуетъ испроверженію консерваторовъ, губящихъ благосостояніе народа. За-

мѣчательно при этомъ то, что революціонеры нападали на принципъ непротивленія злу насиліемъ, не смотря на то, что онъ самый страшный и опасный для всякаго деспотизма, такъ какъ съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ міръ на противоположномъ принципѣ необходимости противленія злу насиліемъ основывались и основываются всѣ насилія отъ инквизиціи до Шлиссельбургской крѣпости.

Кромѣ того русскіе критики указывали и на то, что приложеніе къ жизни заповѣди о непротивленіи злу насиліемъ своротило бы человѣчество съ того пути цивилизаціи, по которому оно плететъ. Путь же цивилизаціи, по которому плететъ европейское человѣчество есть, по ихъ мнѣнію, тотъ самый, по которому и должно всегда идти все человѣчество.

Таковъ былъ главный характеръ русскихъ критиковъ.

Иностранные критики исходили изъ тѣхъ же основъ, но разсужденія ихъ о моей книгѣ нѣсколько отличались отъ разсужденій русскихъ критиковъ не только меньшей раздражительностью и большей культурностью, но и по существу дѣла.

Разсуждая о моей книгѣ и вообще о Евангельскомъ ученіи, какъ оно выражено въ нагорной проповѣди, иностранные критики утверждали, что такое учение не есть собственно христіанское (христіанское ученіе по ихъ мнѣнію есть католицизмъ и протестанство)—ученіе же нагорной проповѣди есть только рядъ очень мильхъ неправдическихкихъ мечтаній *du charmant docteur*, какъ говоритъ Ренанъ, годныхъ для наивныхъ и полудикахъ обитателей Галилеи, жившихъ за 1800 лѣтъ назадъ, и для русскихъ полудикахъ мужиковъ—Сютаева, Бондарева и русскаго мистика Толстого, но никакъ не приложимыхъ къ высокой степени Европейской культуры.

Иностранные, свѣтскіе критики тонкимъ манеромъ, не оскорбляя меня, старались дать почувствовать, что сужденія мои о томъ, что человѣчество можетъ руководиться такимъ наивнымъ ученіемъ, какъ нагорная проповѣдь, происходятъ отчасти отъ моего невѣжества, незнанія исторіи, незнанія всѣхъ тѣхъ тщетныхъ попытокъ осуществленія въ жизни принциповъ нагорной проповѣди, которыя были дѣлаемы въ исторіи и ни къ чему не привели, отчасти отъ непониманія всего значенія той высокой культуры, на которой со своими крупновскими пушками, бездымнымъ порохомъ, колонизаціей Африки, управленіемъ Ирландіи, парламентомъ, журналистикой, стачками, конституціей и Эйфелевой башней стоитъ теперь европейское человѣчество.

Такъ писалъ *Vogue*, такъ писалъ *Levy Beauclou*, такъ писалъ Матью Арнольдъ, такъ писалъ американскій писатель Саваджъ и Ингерзалъ, популярный амери-